

которому въ поэмѣ предоставлена эпизодическая, не рѣшающая роль.

Но авторъ выходитъ изъ затрудненія, еще разъ спасая тождество Олега (Ильи)-Вольги. «Лѣтописецъ XVII вѣка» рассказываетъ, что Игорь взялъ за себя во Псковѣ жену, дочь «Таракана князя Половецкаго»; «я нача Олегъ князь со Игоремъ веселиться, творяше веселіе много»¹⁾. Въ распространенномъ проложномъ Житіи св. кн. Владимира, воеводы Олегъ и Ждѣбернъ идутъ отъ него послами въ Царьградъ просить у царей руку ихъ сестры²⁾. Проф. Халанскій понимаетъ эти сообщенія такъ, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ объ Олегѣ, какъ помощникѣ — при сватовствѣ Игоря и Владимира; это Илья при Ортнитѣ. Мнѣ не ясно, какимъ образомъ рассказанное объ Игорѣ могло быть понято именно въ этомъ смыслѣ, и я не рѣшился бы сказать, на основаніи указанныхъ данныхъ, что Олега, какъ пособника при сватовствѣ, знали «древнѣйшія русскія сказанія»³⁾. Для автора это толкованіе становится исходнымъ пунктомъ для слѣдующихъ построеній: съ теченіемъ времени на Олега-Вольгу свата, перенесена была роль жениха, онъ самъ ходилъ по невѣсту; на этой стадіи своего развитія сказаніе о военно-свадебномъ походѣ Олега-Вольха-Вольги подверглось вліянію популярныхъ въ средніе вѣка сказаній объ Александрѣ Македонскомъ⁴⁾ и Оберонѣ-волшебникѣ, чародѣѣ, и въ результатѣ такого сложнаго процесса возникла былина о походѣ Вольги и женитьбѣ его и самый поэтический образъ хитро-мудраго Вольги, богатыря волшебника». Если былина о Вольгѣ признается въ родственномъ отношеніи къ Ортниту, то зачѣмъ было не вспомнить Альбериха поэмы, вмѣсто того, чтобы говорить о вліяніи популярныхъ сказаній объ Оберонѣ-волшебникѣ?

1) Халанскій, I. с. Авг. 303.

2) ib. стр. 306.

3) I. с. Ноябрь, стр. 35 слѣд.

4) Халанскій, присоединяется къ мнѣнію Вс. Миллера о вліяніи книжныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ на былины про Вольгу. Сл. Халанскій, I. с. Августъ, стр. 305.